

Сибирский Гамлет

Встр. Москва, -1995, -2 марта, -с. 4

Если, согласно Шекспиру, актер — зеркало своего времени, то узнать себя в этом зеркале, а стало быть, и оценить актера в полной мере могут только те, кто располагается в этом времени и знает все его черты.

Смоктунковский олицетворил целый мир неповторимых, порою противоречивых образов. И всякий раз, являясь в неожиданном ракурсе, он все-таки оставался самим собой, мгновенно вызывая ответную волну понимания и восторга зрителей.

Мемуарные подробности, сплетни, слухи, упреки театралов — что это рядом с тем, мало-помалу сложившимся зрительским впечатлением, которое обеспечено миллионами сердец его современников, его сограждан, пронесших на своих плечах все тяготы этих невероятных лет.

В том-то и дело, что под спудом, за амальгамой зеркала стоит общая горькая судьба.

Сын грузчика по кличке Круль и детство на том конце России, где кончается путь зарешеченных вагонов... Иннокентий говорил мне, что, когда провозжал отца на фронт, вдруг подумал, что отца убьют раньше других — уж больно он велик и заметен был над толпою новобранцев. И это стало правдой. Почти мальчишкой сын оказался в окопе, может быть, на месте отца... Плен. Побег. Партизанский отряд. Ура! Жив! Домой — через Сибирь.

В свое время эту часть биографии вычеркнули из моей статьи о Гамлете. Иннокентий знал почему. Он долго носил тавро человека другого сорта. Прописка в Москве затягивается. Он ночует на подоконнике в Театре имени Ленинского комсомола. Он был «чужак» и знал привкус этого слова. Так он шел шаг за шагом, при том, что сперва

не больно собирался в артисты. Он пошел на прослушивание просто так, чтоб дружка поддержать, подбодрить...

Я потревожил тень Шекспира не только потому, что для многих Смоктунковский — это прежде всего незабываемый Гамлет, но, главное, потому, что за последние десятилетия трудно подобрать кого-то из актеров, кто не успел бы, но дерзнул так открыто и вызывающе ломать свой, говоря модным словечком, «имидж» во имя игры и замечательного, чисто актерского ненасытного безумия.

Он играет златокудрого Гамлета, и скоро в роли вора сам пародирует этого Гамлета. Он играет социалистического Ильича и шагаловского Еврея у Бабьего Яра. Он играет Моцарта, но он же играет и его убийцу — Сальери. Он триумфально является в Ленинграде Мышкиным из Достоевского, но скоро он уже премьер старейшего Московского Малого театра! Он царь Феодор в Москве, и, словно нарочно желая завершить развал так бережно охраняемых традиций и школ, он появляется

на сцене противоположного Малому и опять-таки великого театра России. Он во МХАТе, он — Иванов Чехова.

Одной этой линии довольно, чтобы помереть трижды. Но между — еще съемки, работы на радио, телефильмы, наконец и последние гастролы в Америке. Мы еще долго будем видеть его на экране и в повторях телепрограмм совершенно таким, как всегда. Господи, сколько раз он умирал и еще будет умирать за своих героев! Мы с вами почти привыкли видеть его смерть то в этом, то в том гриме...

Алексей БАТАЛОВ
Фото Г. КМИТ

